

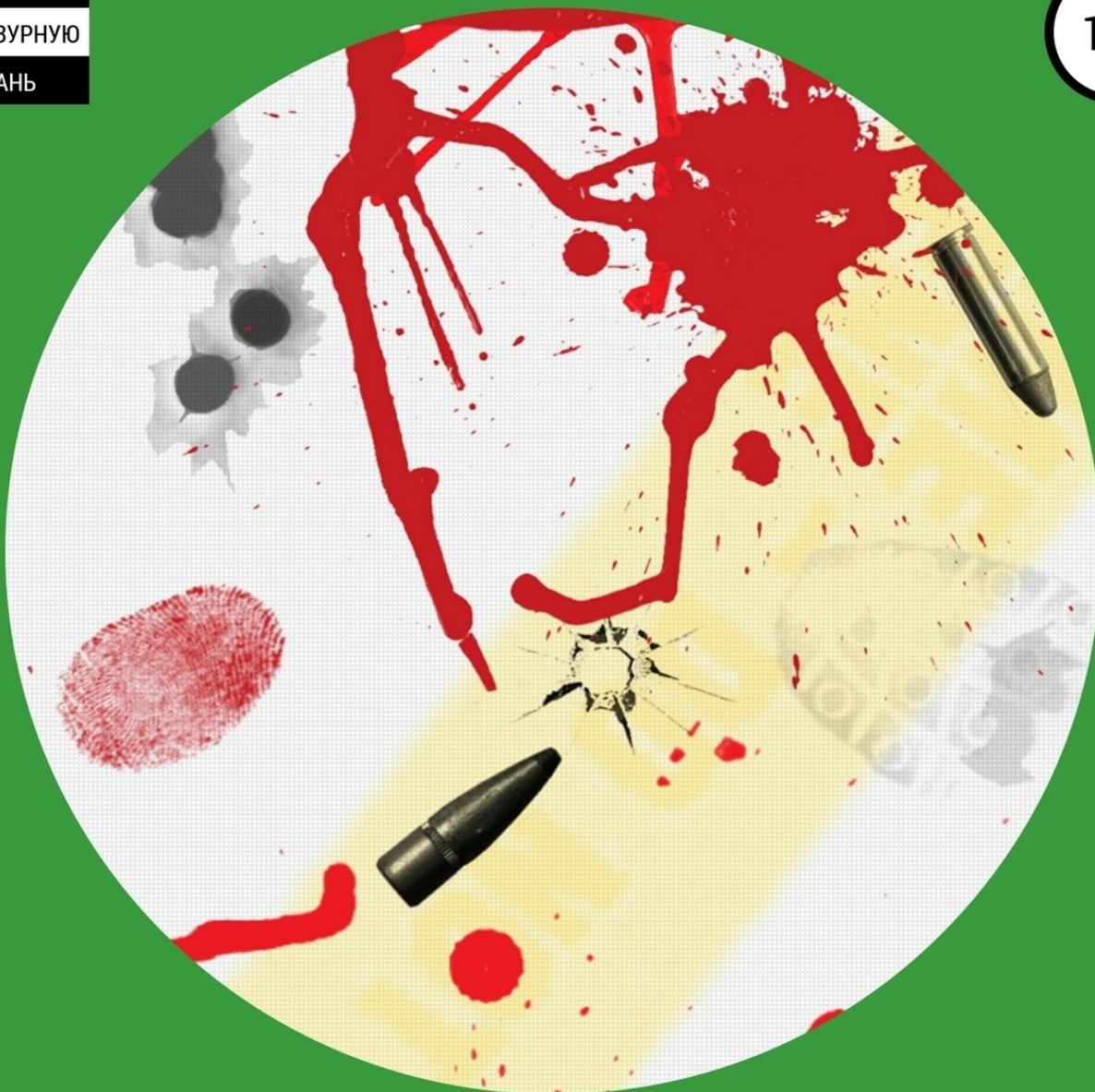
Вадим Тулупов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Без компромиссов

Остросюжетная фантастика

Вадим Тулупов
Без компромиссов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тулупов В. В.

Без компромиссов / В. В. Тулупов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0440-2

Продолжение одной жуткой истории, описанной в книге «Убить бога», но представленное здесь как самостоятельное произведение, благодаря чему оно читается, как захватывающий кровавый триллер. Однако, учитывая глубоко ироничный и, одновременно с этим, крайне философский стиль автора, можно с уверенностью сказать, что чтение не покажется вам легкой прогулкой, хотя и заставит не раз улыбнуться. Действие в книге разворачивается на фоне безумных идей, насилия, жестокости, коварства... всего того, что мы с вами так любим и по настоящему ценим... А что думают на этот счет инопланетяне? Приятного прочтения. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0440-2

© Тулупов В. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Том второй	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Том второй

*Всякий, кто считает, что сказал или
сделал что-то умное – глупец.*

Глава 1

На песчаной отмели лениво и бессмысленно глядя вдаль пустыми костяными глазницами, лежал, а вернее сказать, возвышался примерно на треть из бегущей речной воды, белый человеческий череп. Вряд ли можно себе представить картину более безмятежную, наполненную ещё более пленяющим и захватывающим душу ощущением всепроникающей вечности. Впрочем, приедается и это. А через секунду, ты уже не успеваешь ухватиться за то самое, казалось, неизгладимое впечатление. Оно без остатка испаряется, и взгляд перемещается на другие, совершенно несущественные детали сей эпической картины. Это может быть и блеск воды или может это проплывающая мимо травинка, но эффект упущен и вернуть его уже почти не возможно.

Так устроено наше с вами сознание, оно любит себе спешить куда-то, никогда не хочет и не будет тебя ждать. Лишь коснувшись предмета, оно убегает прочь в неведомые дали своих нейронных связей. Сложно заставить его удержаться на чем-то одном, да и дело это, в целом, точно неблагодарное. Ничего путного ожидать от таких усилий не стоит. Все важное, что родилось, уже родилось, а дальше остается лишь нелепая суeta логики и здравого смысла, пытающихся ухватиться за неведомые нити бытия, чтобы общими усилиями, под неумолимый плеск подтачивающих их волн, построить себе хоть и очень красивый, но никому не нужный замок из песка.

– Джонни, вставай, хватить спать! – донеслось из соседней комнаты, – сегодня воскресенье и мы, если помнишь, собирались с тобой милый поехать в Батон-Руж к тете Оливии кушать индейку и, конечно, купим тебе там новые шорты, эти-то заносил уже до дыр.

– Ладно, мам, я почти готов, – смиренно произнес я, но вопреки смыслу произнесенных слов, завернулся обратно в одеяло и закрыл глаза.

«Гляди, речка здесь не такая желтая, как наша Миссисипи» – уже проваливаясь в омут сна, обратил внимание я, и, уже там, еще раз взглянув в пустые глаза белеющей в воде черепушки, опять окончательно погрузился в забытие.

Тут время потекло для всех совершенно с разной скоростью. Для меня, например, очень быстро, потому что уже через секунду одеяло, спасительным саваном отделявшее меня от жареной индейки и тети Оливии, полетело с кровати в угол комнаты.

– Ты, слышишь, сынок? Едем, – требовательно повысив голос и в нетерпении уперев руки в бока, пронзительно крикнула мама.

Зовут её Джессика. Красивая, стройная брюнетка, добрая, дружелюбная, чистокровная американка. С мамой мне повезло. Еще если бы у неё не было этой дурацкой привычки – стягивать с меня по утрам одеяло, то я был жил совсем как в раю.

– Адам, твои дети сегодня остаются дома. Мы едем одни, – это она уже в сердцах крикнула папе, умывающемуся в ванной комнате.

Звучало это довольно убедительно, потому я прыжком решительно соскочил с кровати. Растолкал нагло зевающего брата, постучал кулаком в дверь комнаты младшей сестренки и, схватив на ходу брошенные вечером шорты, запрыгнул сразу в две штанины. Ну, почти. Отчего утерев равновесие, с грохотом повалился на пол и окончательно проснулся. Шорты были знатные, пошитые прямо из американского флага, звездно-полосатые, их то нам и предстояло сегодня поменять на новые.

Дом наш стоял на берегу соленого озера Пончартрейн, что недалеко от славного города Новый Орлеан. Правда, переехали мы сюда относительно недавно, примерно с полгода. Отцу предложили хорошую работу на местном нефтеперерабатывающем заводе. Это стало решающим фактором, чтобы покинуть родной Техас и начать новую жизнь в новом месте. Воспоминания детства, проведенного у небольшого городка Эль-Кампо, врезались в память теплым приятным комочком и не отпускали. Там было хорошо и спокойно.

Белый просторный Додж Караван с удовольствием вместил в свое нутро всю нашу дружную семейку и покатил в сторону дома тети Оливии. Однако, мама, несмотря на выходной, как мне показалось, была немного напряжена, почти не разговаривала и иногда, повернувшись, серьезно смотрела на меня. Но, должен сказать, юность не смотря ни на что, всегда беззаботна и потому я не придавал тому обстоятельству никакого значения. Если будет нужно, то мне обязательно все расскажут, а до тех пор, хоть трава не расти. Так мы ехали, ехали, пока вдруг не остановились у незнакомого и очень красивого, как мне показалось, старинного дома.

– Марвин, Хелен, вы можете пока поиграть в сквере и купить себе мороженое, а мы с Джонни ходим кой-куда, – строго проговорила мама Джессика.

«Джонни» – стало быть, это про меня, – подумал я. Что же это такие за дела, из-за которых я лишуюсь мороженого?

Мне уже стукнуло почти 18 лет и осталось учиться в школе совсем ничего, всего каких-то пару месяцев, а дальше – здравствуй взрослая жизнь. Как и положено, в таких случаях, я с восхищением, трепетом и нетерпением ждал момента, когда школьные двери захлопнутся за моей спиной и для меня словно драгоценная шкатулка откроется загадочный и прекрасный «взрослый» мир. Покосившись глазами на маму, я выждал, пока сестренка с братом выскочат из автомобиля и покорно спросил:

– Мамочка, что происходит?

– Да ничего, сынок, – заверила она, – щас мы зайдем с тобой к одному хорошему психологу, его зовут Ларри Браун и его мне порекомендовала моя подружка Моника.

– Вот это здорово, а в чем, собственно, дело то, мам? – напрягся я

– Джонни, милый, мы с папой считаем, что нужно знать, что с тобой происходит...

Правда, Адам?

– Правда, сын, нужно сходить.

Долго ли коротко ли велась беседа, а итог один – мы втроем вышли из авто и направились в красивый солидный дом с блестящей табличкой справа от двери: «Клиника доктора Брауна».

Нас встретил солидный высокий дядька с рыжеватой ухоженной бородой и пронизательным взглядом. Поздоровавшись со всеми и проводив в просторную прихожую, он жестом предложил моим родителям присесть на роскошный огромный диван, располагавшийся вдоль дальней стены и тоном, не допускающим возражения, мило произнес:

– А мы с Джонни пойдем немного поболтаем, – и, обратившись уже непосредственно ко мне, при этом внимательно заглянув в глаза, – ты ведь, не против, друг мой?

Меня, конечно, слегка покорило такое панибратское отношение. Что это еще за «друг мой»? Но в целом доктор Браун, как назвала его мама, произвел на меня вполне хорошее впечатление. Мы прошли по длинному, еле освещенному коридору с темными синими бархатистыми стенами, на которых тут и там были развешены в громоздких дорогих рамах картины, сразу пробудившие во мне своим видом трепет и уважение. Под ногами мягко стелился ворсистый мягкий ковер, по которому я, стараясь не отставать, семенил за доктором и изо всех сил крутил головой, чтобы не дай бог не пропустить ничего интересного, так что, дойдя до

нужной двери я, по самую макушку наполненный впечатлениями, буквально налетел на внезапно остановившегося дядю Брауна.

– Сюда, – невозмутимо произнес тот, открыл массивную деревянную дверь и мы вошли. Вошли туда, где, безусловно, царила атмосфера уюта и доверия. Каждая деталь здесь, казалось, была создана для того, чтобы сказать тебе: «не переживай ни о чем, вся жизнь лишь суeta суeta, она лишь тень пролетающей птицы, есть же лишь покой и умиротворение и больше ничего».

– Да, я согласен, конечно, – прошептал я, замороженный этими невидимыми голосами, – но не слишком ли это самодостаточно, чтобы жить? Вам безразлично, что мой брат с сестренкой кушают сейчас мороженое, да? А мне нет. Хотя здесь довольно мило и я не прочь немного задержаться.

– Прошу прощения, Джо... А с кем это ты сейчас говоришь? – мягко спросил доктор Браун, – знаешь, зови меня просто, дядя Ли

– Да вы свой парень, дядя Ли, весело и дружелюбно заметил я, – «Дядя Ли», ладно, это вполне удобно... Куда мне... на кушетку прикажете прилечь, насколько я понимаю, да?

– Пожалуйста, если ты не против, Джонни, располагайся поудобней, но, тем не менее, давай попробуем ничего друг от друга скрывать... Видишь ли, твоя мама просила меня разобраться, например, с кем это ты порой разговариваешь? – тихо, но очень внятно произнес доктор Браун усаживаясь в глубокое кресло рядом.

– Я говорил в частности с этой классной кушеткой, – честно признался я, – и с тем красивым торшером в углу комнаты.

– Хорошо, допустим, – задумчиво и уважительно к моим словам произнес доктор Ли.

А мне эта его, в целом, неожиданная для меня уважительность, точно понравилась. А что? Людям надо всегда верить, даже если они больные психи, а тем более, если они нормальные ребята, как я. Поэтому предстоящая беседа показалась мне вполне себе приятной и потому я уже открыл было рот, чтобы поблагодарить доктора за такое радушие, но чуток не успел.

– Знаешь, друг мой, – сказал доктор Ларри, – я вот, в твоём возрасте, например, вообще не умел разговаривать, не то что бы с кушеткой или торшером. Стеснительный совсем был, девочек боялся как огня. А вот ты как с ровесниками общий язык, наверное, находишь, правда? Расскажи что-нибудь о себе, Джо...

Возможно, это была его ошибка, а может, это, скорее всего, была просто неизбежность. И я рассказал. Как мог.

– Однажды мы с друзьями... ну, учимся вместе... с Тимом и Картером, отдыхали в гостях у Барни Харриса и тот вдруг заявил, что русские хотят сбросить на нас атомную бомбу. На что я сказал, что он «тупой урод, ничего не понимает» и что всем было бы лучше, если бы он «засунул свои слова себе в жопу». Собственно я не хотел его оскорбить, но как-то так само собой вышло. Ну, и далее мне с родителями, короче, пришлось потом, мягко говоря, удалиться...

– А вы, значит, были в гостях с родителями? Правильно? – спокойно спросил Ларри.

– Ну, да... Тут так в Америке принято...

При этих словах профессор Браун удивленно поднял брови.

– У нас, – в спешке смущенно добавил я, – Принято у нас, – мне показалось, что не плохо бы повторить и третий раз, что мол «у нас», но это, конечно, все равно уже было странно. От этих слов ситуация становилась только глупее. «Ладно, проехали» – подумал я про себя, – «посмотрим, куда кривая вывезет».

– Ну, думаю, в данной ситуации нет ничего предосудительного, мальчишки на то и мальчишки, ну, повздорили немного, сейчас ведь все нормально? Вы ведь общаетесь с Харрисами, правильно?

– Да, док, общаемся, они хорошие люди, да и про бомбу Барни-то это по телеку слышал, не сам же придумал.

– Хорошо, это хорошо, – резюмировал доктор Браун, – ну, если не трудно, скажи мне вот что... – его лицо при этом приобрело сосредоточенное выражение.

– Джессика, твоя мама, рассказывала, что ты, порою, говоришь совершенно непонятные вещи. Сейчас, здесь мне ты можешь что-то такое сказать, Джо?

Меня такая постановка вопроса только позабавила – откуда я ему сейчас тут возьму эти самые «непонятные вещи»? Придется говорить первое, что придет в голову, не обижать же человека.

– Да, вы хороший человек, дядя Ли, – начал я издалека, но совершенно искренне, ведь он и впрямь был неплохой собеседник: не перебивает, не кричит и это, надо признать, скажем так «подкупало».

– Вот мне действительно не понятно, – сделав паузу и набирая в легкие воздух, задумчиво произнес я, – в чем, собственно, разница между вами и мной? Я, например, её совсем не ощущаю. В некоторой степени, я предполагаю, что мы с вами один человек. В том смысле док, что я не вижу границы между нами, я не знаю, где кончаюсь я и начинаетесь вы и наоборот. И я даже боюсь, что этой границы нет. Вот это действительно не понятно. Мне кажется, я пришел сейчас сам к себе, вы не находите, док?

Профессор Ларри Браун, глубоко вздохнул. Было очевидно, что он не хотел выдавать свое беспокойство. Пациент в моем лице явно не вписывался в заранее и заботливо приготовленную для него рутину психоанализа. Для дядюшки Ли это означало, что простого ответа для моей мамы у него не будет.

– Понимаешь, Джо, – доктор продолжительно помолчал, – вокруг нас с тобой все-таки существует, то есть, «есть» мир с четко определенными позициями и люди, знаешь, не исключение. И ты должен постараться определить свое место в нем и почувствовать эти самые границы, чтобы соответствовать ожиданиям людей. Это бывает нужно для построения взаимоотношений. Например, с родителями, с девушками...

– Мне кажется, я вас понимаю док, – без притворства заметил я, – честно говоря, меня действительно кое-что беспокоит. Ну, то есть не сильно, но, всё таки. Мне иногда снится какая-то незнакомая речка, а в речке торчит белая черепушка. Что бы это значило, доктор Браун?

– Не знаю, Джонни, не знаю... – как бы сам с собой вполголоса заговорил психоаналитик, – но ты же сказал «беспокоит». Что тебя в этих снах беспокоит?

Я замялся... С одной стороны, мне не хотелось в этом признаваться, но с другой уже давно хотелось кому-то рассказать. Это странное наваждение, которое давно преследует меня.

– Видите, ли доктор Ли, мне часто кажется, что меня на самом деле зовут... на самом деле зовут... – я собрался с духом и одним словом выпалил, – Николай Иванович...

– Николай Иванович??? – недоуменно уставился на меня Ларри Браун, отчего его красивая рыжеватая бородачка немного при этом, что называется «отвисла».

– Николай Иванович, – со вздохом повторил я. Но как мне показалось, я испытал от этого признания невероятное облегчение.

Глава 2

Из «переговорной» мы шли в полной тишине. Возможно потому, что психолог еще пытался найти положенные ему по статусу ответы и пояснения для моих родителей, ну, а я неслышно шлепал ногами по бесконечно мягкому ковру просто так, вновь замороженный глядящими на меня отовсюду картинами.

– Джонни, мне очень приятно было познакомиться, – выбравшись, наконец, к заветному дивану в прихожей, солидно произнес Ларри Браун, после чего долго и убедительно жал мне руку и уже только после этого, кашлянув, попросил меня, как водится в таких случаях, погулять на улице, чтобы он мог, так сказать, поговорить с моими родителями.

Это было не сложно и тем более ожидаемо. Поэтому я с готовностью поблагодарил господина Ли и удалился в солнечный приятный скверик неподалеку.

Конечно, посещение психолога не означает сразу решение всех проблем, однако сам факт посещения одного, безусловно, наложил отпечаток на дальнейшие события. Мне купили два мороженных подряд, говорили, что я молодец и обещали всегда меня поддерживать, если что. Что «если что» никому, очевидно, ясно не было, да и сегодня было видимо уже не важно. Нас ждала тетушка Оливия, к ней-то мы и направились. Человеку необходимо себя чем-нибудь себя занять, чтобы не думать о том, о чем он не в состоянии думать. Этим мы с упоением и занялись.

Мы с сестренкой Хелен носились по кругу по двору и пинали здоровенный надувной мяч, Марвин же пытался его у нас отобрать, смешно при этом падая и крича во все горло. Было здорово, а когда тетя позвала нас к столу, сил шалить уже совсем не было и мы втроем, довольные и усталые гуськом проследовали к месту назначения. Грустно терять детство, в нем есть такое неопишное ощущение личного безграничного счастья, которое уже точно во взрослом обществе не доступно никому. Об этом я в свои неполные восемнадцать уже немного догадывался, хотя открывающиеся свободы и возможности перекрывали собой все подобные печали вместе взятые.

– Поблагодарим же господина нашего за то, что ниспослал нам хлеб насущный, – распевным грудным голосом и сложив при этом руки домиком, торжественно произнесла тетушка Оливия, незаметно толкая при этом локтем своего мужа Патрика, чтобы перестал болтать с моим папой.

Дело было для всех нас не новое, мы всегда в таких случаях замолкали, закатывали к небу глаза и несколько секунд молчали. Однако, сегодня в какой-то момент я отвлекся, увидев большое жужжащее насекомое прямо у себя за спиной и попытался его схватить, да так, что не удержался и грохнулся вместе с табуреткой назад на траву.

– Не подобает верующему человеку во время молитвы заниматься посторонними делами, – строго сказала мне тетушка.

– Верит тот, кто сомневается, – быстро поднявшись, серьезно ответил я

– Это где ж тебя такому научили, Джон? – решил вступить в разговор дядя Патрик

– В Москве, в Университете имени Михайло Ломоносова, – не заставив себя ждать, гордо заявил я.

Это было конечно слишком. Откуда только что взялось. Вот опять я на глазах у всех сочиняю какие-то небылицы. «Надо будет хоть на карте посмотреть, где эта такая есть та самая

Москва, может, хоть станет что ясней» – судорожно думал я, дико ерзая на стуле, пока Марвин и Хелен беззаботно надо мной смеялись.

Но это, конечно, потом. А сейчас оставалось только, досадливо побряхтев для формы и порядка, вдоволь посмеяться вместе с братишкой и сестренкой, тем самым уводя возникшую было неловкость в понятное и разумное русло. Однако, уже вечером, забравшись под одеяло, я достал свой старый потрепанный ноутбук и набрал в поисковой строке непонятное и загадочное для меня слово «Москва». Замелькали картинки домов, извилистая змейка реки, старинный дворец красного кирпича со шпилями и звездами на стенах, фотографии каких-то всенародных праздников и довольно-сосредоточенные лица приветствующих эти шествия политиков.

Листая и внимательно разглядывая электронные страницы сайтов, я поймал себя на мысли, что как будто что-то ускользает от моего взора, как будто я не вижу чего-то, что должен был бы видеть. Это заставляло меня всматриваться и тереть для верности по три раза подряд глаза, но определенности это не прибавляло. «Что-то ещё должно быть...» – пытался припомнить я детали своих откровений у Робинсонов, – «Ага, вот, университет имени Ломоносова...». В сердце опять что-то тревожно ёкнуло, но на этом ничего. Дальше ничего. Я хлопнул крышкой ноута и уставился в потолок. Это занятие всегда казалось мне очень разумным, и уж точно, не хуже «телевизора».

Уже сквозь сон я решил дождаться следующего свидания с господином Ли Брауном и спросить, не найдется ли у него какая волшебная таблетка для меня. Эта мысль на тот момент была самой лучшей, потому что других не было вовсе. Произошло это неожиданно довольно быстро, уже через пару дней мама за завтраком деловито сообщила:

– Джонни милый, звонил Ларри Браун, тот самый психолог, к которому мы заезжали. Завтра он готов нас принять, – и внутренне напрягшись, замолчала.

Видно было, что тема эта ей дается нелегко, так что я решил про себя, что в этот раз не стану с профессором откровенничать и постараюсь произвести впечатление «нормального» человека. В конце концов, я уже взрослый и свои проблемы должен решать сам. Маму я любил и не хотел быть для неё ни в чем обузой. Однако, как ни странно, никаких усилий с моей стороны не потребовалось. Когда мы явились на прием, дядя Ли усадив нас на диван, прямо «с порога» заявил, что внимательно изучил видеозапись нашего предыдущего посещения, посоветовался со своим коллегой из Вашингтона и, в общем, не видит во мне причин для беспокойства.

Это было весьма неожиданно, но моей маме, конечно, хотелось услышать что-то подобное, и она с радостью отбросила всякие сомнения насчет моего душевного здоровья. Меня же такой поворот тоже теперь устраивал больше всего. Все, что называется «были счастливы», но, тем не менее, я решил уточнить:

– А зачем же вы нас тогда сегодня позвали, док?

Может мне показалось, а может и впрямь, но профессор еле заметно дрогнул при этом вопросе, правда тогда я не придавал этому значения.

– Дело в том, дорогие мои, – быстро вернувшись в свое обычное спокойно-благодарное состояние сообщил Ларри Браун, – что мне не хотелось произвести впечатление, что я хочу от вас избавиться. Напротив, я буду счастлив быть вам полезным, если вдруг вы решите воспользоваться моими услугами. Правда, еще раз подчеркну, не вижу в этом необходимости. Боюсь, что вы немного драматизировали ситуацию. Это единственная проблема, на мой взгляд. Поэтому все, что вам сейчас нужно, это перестать беспокоиться и жить дальше.

– Боже, мистер Браун, я вам так благодарна, – расчувствовалась мама

– Ну, что вы не стоите, Джессика, был рад, буду рад... – твердил профессор психологических наук, уже закрывая за нами дверь.

«Вот и хорошо. Дальше будем жить сами» – подумал я про себя. Как мне кажется, именно в этот момент, я ощутил жуткую тоску по тому месту, где я вырос и провел счастливое беззаботное детство. И главное, я хотел поспрашивать старых друзей, не совершал ли я когда раньше непонятных поступков и не вел ли сомнительных разговоров, ну, то есть узнать что-нибудь.

– Мама, а можно я на выходных поеду в Техас, хочу побывать в родном Эль-Кампо, переночую у друзей, например у Джейсона.

– Ну, хорошо, езжай, только не забывай звонить, я должна знать, что все хорошо.

Это было «клёво». Не помню, чтобы я раньше ездил туда один. И вот тебе раз, вдруг вырос, стал взрослый, самостоятельный. До выходных оставалось четыре дня, и потому, чтобы не тратить время зря, я сразу решил ничего до тех пор не делать, спать до обеда и может быть иногда для разнообразия учить уроки. План был настолько безупречный, что я довольный собой и ни о чем другом не думая, сразу решил его исполнять. Правда, жизнь, как водится, внесла свои коррективы, и в результате чего, я вынужден был вставать каждый день в семь утра, делать зарядку и весь день напролет грызть гранит науки, ведь скоро мне в школе, как ни крути, предстояли выпускные экзамены.

Глава 3

В вот, наконец, долгожданные выходные. Дорога никогда меня не утомляла. Я даже не заметил, как автобус мягко затормозил и открыл двери.

– Эль-Кампо, пассажиры, «конечная», – довольно прорычал динамик над ухом.

«Странно, я не был здесь всего лишь с полгода, а такое впечатление, что не был уже лет сто» – пронеслась в голове мысль. Так бывает, и, не смотря на свои неполные восемнадцать, я знал это. Окунувшись в свои воспоминания, я неспешно ступал по залитым солнцем улицам и с удовольствием вдыхал их аромат, это был город моего детства. Это был мой родной, дорогой сердцу Техас.

Тем ужасней мне показались дальнейшие события, что произошли со мною там. Я добрался до дома моего лучшего друга Джейсона Уайта только после полудня. Да, раньше приходиться и не было смысла, все ведь любят с утра поспать, ну, почти все. Довольно улыбнувшись в предвкушении приятной встречи, я поднялся на невысокий порог и постучал в дверь. Через минуту она распахнулась, и в проеме показался он, мой старый добрый друг Джей.

– А ты нисколько не изменился, – обрадовано воскликнул я и, сделав шаг навстречу, искренне горячо обнял приятеля.

– Извините, а вы кто? – недоуменно ответил Джей. Он с трудом выбрался из моих объятий и, переходя от удивления на шепот, продолжил, – я вас не знаю.

Такие слова, конечно, с первого раза понять невозможно. Я оторопело уставился на друга и не знал, что сказать.

– Да, кончай дурачиться, я голоден, – толкнул я его в плечо.

– Кто это, Джейсон? – вышла из комнаты на шум тетя Салли

Дальше я медленно перестал улыбаться. Вежливо попрощался с Уайтами и пошел к Стиву и Мартину на соседнюю улицу. Но, и там меня ждало разочарование. Никто упорно не хотел меня узнавать. Это было похоже на безумный всеобщий заговор, только было не понятно против кого и зачем. Тщетно я пытался найти брешь в этой глухой обороне не знающих меня людей.

– Да, в каком смысле? – кричал разъяренно я, – что я вам сделал? – но действия это не возымело и к вечеру, хочешь, не хочешь, пришлось идти в гостиницу.

«Занятно получилось, чертовщина какая-то» – только и вертелось в голове. Вместо наступающей взрослой жизни, уже маячившей за дверью в блестящей подарочной упаковке, у меня пытались забрать и ту, что есть. Получается, что чем больше я пытался докопаться до причин происходящего, тем только больше запутывался. Возможно, нужно было бы последовать совету профессора Брауна и не обращать внимания на некоторые происходившие со мной странности, но теперь очевидно уже было поздно. Поездка в Эль-Кампо окончательно закрыла дорогу в ту милую, добрую, старую жизнь. Этот факт приходилось с болью признать.

«Мама... папа, а что они знают обо мне? Не может ли случиться так, что по приезду домой, и они меня не узнают, не примут? Что тогда?» – я в панике отогнал эти мысли и, завернувшись в одеяло, решил завтра же первым рейсом отправиться домой.

Добравшись, наконец, до дома я с волнением открыл дверь. Но того, чего я опасался, не произошло. Мама с папой были мне искренне рады и даже Марвин и Хелен выбежали

навстречу. Это было приятно, потому я отбросил переживания и погрузился с головой в домашние хлопоты.

Так прошел день. Жизнь уже стала возвращаться в свое привычное русло, когда ко мне подошла сестренка и заговорщицки произнесла:

– Знаешь, Джонни, сегодня к нам заходили полисмены

– Зачем это? – не вытерпев, взволнованно перебил Хелен я

– А мне почему знать, они закрылись с родителями на кухне и о чем-то спрашивали. Ты ничего там не натворил, братишка? – и она заглянула мне в глаза

– Да, ну... Ну что ты говоришь такое... Конечно, ничего, – уже сам не веря в это, прошептал я и, не желая оставаться в неведении, тут же поднялся и пошел в комнату родителей.

– Мама, зачем приходили полисмены, – тон мой не оставлял возможности оставить вопрос без ответа.

– Да, сын, я хотела тебе сказать, но решила, что пожалуй, не стоит... Но, раз ты спрашиваешь, то ладно, – немного сбивчиво произнесла она, – дело в том, что профессора Ларри Брауна позавчера нашли мертвым, его убили... Прямо там, в клинике... А мы, выходит, одни из его последних его клиентов... Ну, я рассказала полисменам, что мы ничего такого не знаем, что бы могло помочь следствию и они, поблагодарив, удалились. Вот и всё, Джонни, в жизни всякое бывает... Ты ведь у нас уже большой мальчик, понимаешь. Иди спать, милый, – и она нежно погладила меня по голове.

Все это я слушал уже как в тумане. По какой-то причине, это убийство, мне показалось как-то связано с нами. Но как? И тут я ясно вспомнил, что доктор Браун в нашу последнюю встречу был заметно напряжен. Что заставило его тогда попрощаться с нами? Ведь «мой случай» его, очевидно, заинтересовал и ведь это же «его хлеб» – изучать всякие странности.

С того момента я стал крайне подозрительным. Мой взгляд цеплялся за любую мелочь, любое событие, пытливо рассматривая всех и каждого, стараясь поймать невидимый глазу заговор. И к моему ужасу, я стал их замечать... Это, например, могли быть одни и те же прохожие, с завидным постоянством встречающиеся мне по дороге в школу. Еще, оставленные мною вещи иногда лежали не в том положении, в котором я их положил, а в субботу, когда мы ездили с родителями по магазинам, нас долго преследовал сзади какой-то тонированный микроавтобус. Когда же я не выдержав, сообщил о нем сидящему за рулем отцу, микроавтобус, как назло, пропал из виду и больше в тот день не появлялся.

Все это делало меня раздражительным и замкнутым. Рассказывать о своем состоянии я никому не хотел. Это было опасно. Откуда только взялся этот закрадывающийся в сердце страх, это досадное и так надоевшее мне тогда ощущение опасности. Так продолжалось изо дня в день, я был крайне измучен. И вот, наконец, в одно прекрасное утро мне все это окончательно надоело. «Да пошли они все к черту!» – в сердцах тогда выругался я и послал свои страхи на все четыре стороны. «В конце концов, так даже интересней» – логично предположил я, обрадованный сразу наступившим в душе спокойствием и легкостью. «И почему раньше такая простая мысль не приходила мне в голову! Да пошли они все к черту!» – еще раз повторил про себя я и тут же решил сделать вот что.

Я взял чистый лист бумаги и написал на нем большими прописными буквами: «ПОЗВОНИТЕ МНЕ! СРОЧНО! Я ДОЛЖЕН ВАМ ЭТО СООБЩИТЬ». Я сложил его вчетверо, так, чтобы он еще оставался достаточно большим и заметным и вышел с ним на улицу, умышленно держа его в руках и не пряча в карман. Так я шел некоторое время, петляя по улицам и демонстративно без опаски оглядываясь. Потом свернул на набережную, чуть отдохнул на одной из

имевшихся здесь в изобилии лавочках, поднял руку с запиской над собой и следом, положив её на лавку, встал и ушел.

У меня не было никакого конкретного плана, и я не представлял себе, что бы я мог им такого «сообщить». Для меня важно было лишь одно – позвонят или нет. Позвонит мне кто-нибудь из этих сволочей или нет. Я зашел в первое, попавшееся по дороге кафе, сел за столик, положил перед собой телефон и стал ждать.

Заказал кофе. Прошло десять минут. Звонка не было. Ждать «просто так» стало скучно. Я осмотрелся и, заметив за столиком неподалеку адекватного и доброго на вид мужчину, прямо обратился к нему:

– Закажите мне, пожалуйста, виски... Да, бурбон если можно, пару стаканов... спасибо, я заплачу.

У нас Америке суровые законы, оружие мне можно иметь уже через каких-то несколько месяцев, а выпить только еще через три года. Ну, и ладно, взаимовыручку еще никто не отменял. Ждать стало заметно «веселее».

Прошло еще с полчаса. Звонка по-прежнему не было. Когда же телефон, жужжа всем своим брюхом, запрыгал на столе я уже ничего не ждал, а просто сидел и «пялился» на отдыхающих неподалеку девчонок. Звук мобильного заставил меня вспомнить о том, собственно, зачем я сюда пришел.

– Але, господа, – спокойным и уверенным голосом произнес я

– Вы хотели нам что-то сообщить, говорите... – в трубке замолчали

– А, кто вы такие, собственно, мать вашу? – не на шутку завелся я.

Однако, на том конце и не собирались отвечать:

– Говорите то, что собирались сообщить, – монотонно повторил человек.

– Да, пошлите вы на хуй!.. Вам хорошо слышно? Идите на хуй!.. – вдруг как-то неожиданно для себя на незнакомом мне языке прокричал «туда» я.

В кафе стало тихо. Все находящиеся в этом приличном заведении, очевидно, в тот момент с успехом преодолели звуковой барьер, и великолепно поняли, о чем шел разговор. Понял и я сам. Не понятно было только, откуда у меня такие глубокие и разносторонние лингвистические навыки.

Глава 4

– Мам, а вы уверены, что я ваш сын? – с ходу спросил я, прядя домой.

Еще действовал немного выпитый мною алкоголь, и задавать такие вопросы в том состоянии, было гораздо проще.

– А почему ты сомневаешься сынок?.. Марвин, подожди не мешай, ты видишь, мы разговариваем, – попутно успокаивая братишку, невозмутимо переспросила она.

– Да, Джесси, ты уверена, что Джонни, это мой сын? – весело прищурясь, охотно решил перефразировать прозвучавший вопрос мой отец.

– Да ты в зеркало посмотри, Джон, посмотри, на кого ты похож... – и уже потом отцу, – Адам, да он вылитый ты, и по характеру, кстати, тоже... порою просто невыносим...

– Ну, так-то да... – действительно заглянув в зеркало, согласился я, – А то, может, думал, я не Джонни, а, скажем, например, Николай Иванович, – было продолжил я, но в этот момент уже плавно скользил вдоль стены, перемещаясь к себе в комнату, – Всем доброй ночи....

Уже прошла неделя, как я жил прежней беззаботной жизнью тинейджера. Беззаботной, потому что никаких забот, кроме школьных экзаменов, мне не полагалось, настолько беззаботной, что я почти уверовал в великую магическую силу произнесенного мной «тогда в кафе» заклинания. Энергетический посыл его, видимо, был настолько сильный, что душа моя в тот момент с трепетом благодарности сбросила с себя оковы страхов и сомнений и, казалось, ни у кого вокруг не осталось больше никаких шансов жить иначе, чем было в том заклинании предначертано.

Собственно, мне оставалось сдать всего один экзамен – физика, законы тяготения и все такое, а дальше, дальше должна была наступить та самая долгожданная, взрослая жизнь. И вот этот великий день наступил. Сегодня. Мне нравилось порою неспешно размышлять о тайнах мироздания, что коварно всюду кроются вокруг нас, делая окружающий мир нереально фантастическим и бесконечно интересным. Потому поэтому я выбрал в шкафу свою самую нарядную рубашку и с нескрываемым удовольствием пошел открывать для себя новый взрослый мир.

И вот, все позади. Я стою на ступеньках уже бывшей своей школы и, радостно потянувшись, оглядываюсь вокруг.

– Э-ге-гей..., новоорлеанцы... – переполненный эмоциями, закричал я куда-то в небо, – Встречайте меня, я иду...

Новоорлеанцы, кто не в курсе или на бронепоезде, это жители города Новый Орлеан, мои земляки.

– Встречайте меня, я иду... – для верности еще раз прокричал я.

Так, вот дальше примерно так и вышло. Знал бы, может быть и помолчал бы. Но как порою можно услышать: «никто не знает где стелить солому».

Бодрым шагом я выскочил на улицу и уже через каких-то полчаса вынырнул в районе Рекс-Трейлер-Корта, держа курс к набережной Миссисипи. Это было здорово, я шел, размахивая руками, заглядывал в витрины магазинов, нарочито громко шаркал ботинками и изо всех сил старался вдохнуть сразу все, целиком, нахлынувшее на меня счастье.

Дальше я успел заметить только, как рядом застонали покрышки резко притормаживающей машины и, кто-то сзади резко, больно заламывает мне руки. Не дав опомниться, меня

силой затолкнули в машину, и водитель сразу вдавил педаль «газа» в пол. Автомобиль немедленно всем телом дернулся вперед, изо всех сил вдавливая меня в кожаное сиденье, от боли и неожиданности сознание помутилось и меня чуть не стошнило, но я сделал пару больших глотков воздуха, и стало легче.

Я осмотрелся. По бокам от меня, а я находился на заднем сиденье, сидели два верзилы. Выражение их лица, как бы говорило: «не спрашивай меня ни о чем, я тупой баран». Скверно. Тут машина, набирая ход, чертыхнулась и загудела рассерженно мотором на светофоре.

– Ну, что, гаденыш? Допрыгался? – обернувшись назад, сурово сказал мужчина, что сидел на переднем сиденье.

Это, похоже, обращались ко мне. Вид этого мужика тоже ничего хорошего не предвещал, но «он хоть умеет издавать какие-то звуки» – подумал я, – «у него-то я и узнаю, что им от меня надо». Однако, разговор оказался короче, чем я ожидал. Послышались частые тугие хлопки, как будто кто-то забивает гвозди. Оказалось, что это были не гвозди, а пули, они проворно залетали в салон автомобиля и с глухим стоном вонзались в железо, прошивая на своем пути мягкие и податливые тела моих спутников.

На миг я подумал, что у меня в голове тоже такая дырка, как у того моего незадачливого собеседника спереди. Мир вокруг затих. Тогда я попробовал шевельнуться. К моему удивлению, это у меня получилось, правда, облокотившись рукой на сиденье, я почувствовал, что сижу в луже крови, той, что маленькими фонтанчиками вырывалась из навалившихся на меня обмякших здоровяков. Мне стало плохо, я не удержался, и меня вырвало прямо в это кровавое месиво.

– Вот, черт, – прошептал я и начал пытаться выбраться из машины.

Но, как оказалось, эти усилия были не нужны. Кто-то более сильный, чем я распахнул двери и, грубо вывалив труп одного из верзил на асфальт, вытащил меня наружу.

– Привет, Джон, – приветливо улыбнувшись, сказал он, – давай руку, ты поедешь с нами.

Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ним, так как неизбежность знакомства ощущалась «всем телом», и потому не было никакого смысла его откладывать. На полосе дороги нас ждал один из уже виденных мной ранее фургонов, что следовали за мной раньше по пятам. Но, тем не менее, я оттолкнул его руку и членораздельно произнес:

– Кто вы такие, черт побери? И что... – я осекся

Где-то совсем рядом мелькнула тень и, тут же, из груди моего нового собеседника вырвался стон и одновременно огромное, окровавленное лезвие кривого блестящего клинка. Маленький, проворный узкоглазый человек неизвестно откуда и как появившийся сзади, вырвал саблю назад к себе из тела мужчины и пока тот еще «по инерции» продолжал стоять на ногах, отточенным хлестким движением срубил ему голову. Кровь густым потоком вырвалась наружу, забрызгав мое лицо, отлетевшая голова же кубарем и с глухим противным стуком покатила по шершавому асфальту.

Я обернулся. Это был настоящий театр. Завороженный игрой актеров, я остолбенело стоял и смотрел, как те же маленькие узкоглазые человечки своими длинными ножами добивают сидевших в фургоне людей. Ужасающее действие немого спектакля происходило в полной тишине, и лишь тихие вскрики, вздохи и хрипы умирающих людей нарушали царившее молчание. Странно... Все они оказывались внутри одинакового красного цвета и он, этот цвет, возможно решил заполнить собой все окружающее пространство.

Из аморфного, ничего не понимающего состояния меня вывел звук приближающейся полицейской сирены.

– За мной, – картавя, с совершенно диким акцентом коротко крикнул узкоглазый и убедительно показал окровавленным ножом направление.

На этот раз я решил не пытаться вступить в разговор, может поэтому, этих мелких людей тогда и не перебили сразу, как всех с кем я пытался до этого заговорить. Вместо этого, я покорно последовал за ним, в кусты, через забор, заброшенные дома и недостроенные стройки. Я не удивился бы, даже если бы мне предложили скакать, скрываясь от погони, на лошадях, настолько методы их были просты и пришли, очевидно, из самых глубин древних давно прошедших веков.

Был момент, конечно, когда я решил от них «улизнуть». У каждого бывает время, когда тебе просто необходимо подумать, как же быть дальше. Вот и те парни в один момент зазевались и, только когда я уже почти скрылся из вида, пустились меня догонять, но надо отдать должное их физической подготовке, удалось им это довольно быстро. «Китайцы», – решил я, – «Не смотри, что ноги короткие... Зато их много».

Чтобы я не бегал, меня тут же замотали веревками. Не надели наручники, а именно замотали веревками. «Хорошо, что хоть не привесили на шест, чтоб удобней было меня нести» – пронеслась в голове мысль, но, подумал я это зря, так как шест, откуда ни возьмись, появился. За пазухой, что ли они его таскали. «Что это за люди? Блин, китайцы, мать их...» – огорченно подумал я. Они надели меня на шест, зацепив за него связанными руками и ногами, накрыли мешковиной и куда-то понесли.

Правда, на всякого хитрого, видимо, найдется еще более хитрый. В какой-то момент маленькие люди оставили меня лежать одного и просчитались. Более хитрыми хитрецами оказались мексиканцы. Уж их-то я узнаю всегда, благо граница недалече.

– Мучо густо, – послышалось через мешковину, меня быстро торопливо потащили, бросили в багажник машины и под собственные довольные возгласы опять куда-то повезли.

«Черт бы вас всех побрал, уроды...» – с досадой думал я, мысли приходили в голову всякие разные и все больше плохие. Потом машина остановилась, меня оставили лежать внутри, а сами пропали. Через минут пятнадцать явились опять, довольно переговариваясь между собой. Судя по их настроению все ими задуманное должно было получиться.

– Эй, развяжите меня, засранцы, – с раздражением потребовал я.

– Хосе, развяжи его, – согласился тот, что был в шляпе, – достаточно будет наручников.

– Зачем я вам нужен, бандиты? – уже который раз за день попытался узнать я.

– Малец, ты нам не нужен, нам нужны деньги... – произнес тот, кого назвали Хосе, – а уже, зачем ты им нужен, нам не ведомо.

– И что по деньгам? Какова цена вопроса? – не сдавался я.

– Три ляма, мучачо, похоже, ты натворил делов... – простодушно ответил незадачливый разбойник, – Так ведь, Фернандо?

– Три ляма?.. То есть три миллиона долларов? Да вы рехнулись что-ли? Да кто вам такие деньги за меня отдаст? – я не мог в это поверить, – Мужики, да вас перестреляют там просто за такие бабки как собак, вы что, идиоты?

– Мы не идиоты, сынок, мы мексиканцы... – гордо заявил Хосе.

Ответ показался мне исчерпывающим. Конечно же, да как я сам не догадался. «Это же мексиканцы. Мексиканцы, мать их...» – эхом звеня, пронеслось в голове, и тут же перед глазами возникла традиционная для этих мест песчаная пустынная местность, две машины напро-

тив друг друга и суровые чуть настороженные мужчины в красивых расписных рубахах, молча смотрящие друг другу в глаза. Это изменить было невозможно.

Именно так все и вышло. Через, примерно, час, надев мне наручники и толкнув на заднее сиденье машины, они поехали туда, куда и было положено этим ребятам ездить – в песчаные дюны с кактусами продавать «товар», то есть меня.

События сегодняшнего дня просто не могли поместиться у меня в голове. Жуткие убийства, безумные деньги... Все это, ради чего? Ради меня? Зачем я мог быть нужен всем этим людям? Зачем? Никакого ответа не было. То есть, вообще, никакого.

Спасибо, меня хоть немного переодели. Насквозь пропитанная кровью одежда вызвала тошноту и головокружение. Как только я скинул её и принял душ, душа моя, до тех пор все время летавшая лишь где-то рядом, наконец, вернулась обратно и я немного успокоился. Может все и образуется. Хотелось в это верить, но реальность упорно давала понять, что возможно все будет иначе.

Глава 5

Машина, что несла нас куда-то за город, фыркала и урчала мотором как дикий необузданный зверь. Оглядевшись вокруг, я заметил, что за нами неотступно следуют еще два автомобиля. «Что это? Погоня?» – я дернулся и напрягся. Перед глазами живо возникла та кровавая бойня, что произошла сегодня.

– Успокойся, амиго, это свои, – заметив мои переживания, подбодрил Хосе.

Спокойней от этих слов на душе не стало. И я знал, куда мы едем.

Место было действительно тихое. Никакой буйной растительности, ничего, что бы мешало на многие мили вокруг видеть приближающуюся опасность. Мы продолжали двигаться вперед, выбрасывая из-под колес огромные клубы пыли, так, что издали наш кортеж был похож на летящие с бешеной скоростью ракеты. Это стало очевидно, когда с другой стороны от горизонта к нам навстречу устремилась точно такая же тройка машин, как и наша.

И вдруг, эти несущиеся по равнине железные звери одновременно замерли, остановившись на некотором расстоянии друг от друга. Сразу наступила тишина, нарушаемая разве что легкими порывами степного ветра североамериканских прерий. Сердце у меня в груди бешено заколотилось. Послышались мягкие, немного лязгающие звуки отрываемых и хлопающих дверей, но они отдавались у меня внутри наподобие грома. «Неужели им могут отдать такие деньги? Конечно, нет. Это же невозможно... За что?..» – крутилось в голове.

Тем временем мужчины в красивых рубашках деловито вышли из автомобилей, демонстративно придерживая руками торчащие под кожаными ремнями рукоятки пистолетов. С каждой стороны по полтора десятка человек. У многих я заметил и более грозное оружие, винтовки, автоматы, а с нашей стороны у одного был даже крупнокалиберный пулемет.

– Такой прекрасный день, – поглядев на небо, произнес Фернандо, он, видимо, был за главного в нашей шайке, – Энрике, рад тебя видеть, как наши дела?

– Здравствуй, брат, вам не о чем беспокоиться, – радушно улыбнувшись, ответил ему стоявший напротив, – Альфонсо, передай ребятам дипломат...

– Ты даже не хочешь посмотреть привезли ли мы парня? – удивился Фернандо

– Очень хочу, друг мой, потому не будем медлить, забирайте деньги и... можете не пересчитывать – там все ровно...

– Тем не менее, мы должны проверить, Энрике... Хосе посмотри...

Я слушал этот разговор, не веря своим ушам, ведь речь в нем шла не о ком то ещё, речь в нем шла обо мне. Тишина, ветер и ожидание слились в этот миг для меня воедино, заволакивая сознание и погружая его в трепет ощущения неумолимо наступающей «развязки».

– Все в порядке, – торжественно произнес Хосе

В полубессознательном состоянии меня вытащили из машины и подвели к людям Энрике, тот же буквально светился от счастья. Он скинул свой строгий деловой костюм, обнажив белоснежно выглаженную сорочку, и, небрежно бросив его на капот одной из «тачек», подошел ко мне.

Точно в тот момент в небе над нашими головами раздалось тихое, но быстро приближающееся жужжание. Как оказалось, это был внушительных размеров беспилотник, который лихорадочно вращая лопостями, завис метрах в трех над землей и принялся не таясь рассматривать собравшихся прямо под ним людей. Наконец, заметив меня, эта зудящая тварь ненадолго замерла, и следом сделав резкий рывок, стала быстро набирать высоту.

– Проклятая чертова машинка, – вскипел Фернандо, выхватил пистолет и стал палить в небо, выцеливая улетающий аппарат, – Нужно срочно сматываться, парни!.. – продолжал при этом кричать он, обильно насыщая текст своего обращения к сообщникам непонятными, но очень выразительными ругательствами.

Однако многие здесь были, очевидно, совсем не для маскарада. Они деловито прижались к машинам, обнажая привычным движением оружие или бросились, расплзаясь в разные стороны на землю, прячась за пучки колючек и торчащие кое-где кочки.

– Снайпер, снайпер, – резко закричал кто-то, указывая при этом рукой в сторону маячивших на горизонте желтых, выжженных солнцем гор.

Это было явно не к добру. Стоять, безрассудно возвышаясь над всем миром, презрев опасность, остались лишь двое. Я, потому, что находился в тот момент в совершенно неадекватном состоянии, и он, мой новый знакомый Энрике, который, похоже забыл о должном каждому живому существу инстинкте самосохранения. Он стоял подле меня, напряженно вглядываясь туда, где должен был прятаться стрелок, но заметить что-либо у него, очевидно, не получалось. И вот, вдруг, где-то далеко-далеко в степи гулко и раскатисто раздался одиночный хлопок выстрела.

Реакция Энрике была молниеносной, он прыгнул диким прыжком пантеры сбивая меня с ног и одновременно закрывая своим телом. Мы плашмя упали на землю и от удара о её поверхность у меня перехватило дыхание, поднявшаяся пыль попала в глаза и мешала смотреть, но несмотря на это я увидел, как кроваво красный цветок расплывается на груди моего спасителя. Мы встретились с ним глазами и я, к своему удивлению заметил, что его лицо светится радостью так, словно произошедшее было верхом его желаний и помыслов.

Пришедший, наконец, в себя, я, безусловно, был бесконечно признателен этому незнакомому мне ранее человеку за то, что он спас мне жизнь, но, тем не менее, поступок его вызвал мне внутреннее недоумение – «Зачем он это сделал? Зачем?»...

– Нужно ползти к машине, – произнес сбиваясь Энрике, – укрыться за ней, а потом... – он было потянул руку, чтобы показать мне дорогу, но силы оставили его, тело безвольно обмякло и Энрике перестал дышать.

Я ладонью закрыл его остекленевшие глаза, поправил завернувшуюся рубашку и прошептал:

– Спасибо... Достоин ли я твоей жертвы, Энрике?.. Спасибо...

Глаза мои наполнились слезами, но нужно было уходить, я собрался силами и, толкая землю локтями, пополз.

Как тут же выяснилось, обстановка вокруг не стала лучше. От горизонта в нашу сторону приближались два военных вертолета и не было никаких оснований считать их намерения добрыми. Так, собственно и вышло.

– Эй, амиго, сюда, – крикнул мне из-за небольшой насыпи на обочине дороги Хосе.

Я сразу же мигом бросился туда и, как вышло, не даром. Еще на подлете к нам, словно, от нетерпения, боевые машины выпустили несколько самонаводящихся ракет. Те петляя и оставляя за собой густые клубы дыма, быстро помчались к нам. Это, явно, не входило в планы собравшихся здесь людей, но как оказалось, кто-то был готов и к такому сценарию. С нашей стороны застрекотал крупнокалиберный пулемет, а ещё через миг, за секунду до ужасающей череды взрывов добравшихся до нас ракет, в противника полетела «ответка».

Но радоваться, конечно, было нечему, да и некогда. В воздух, подброшенные взрывами, взметнулись пару машин. Они будто бы собирались взлететь, чтобы сражаться с врагом в небе, но не рассчитав свои силы с грохотом и лязгом повалились обратно, развалившись на множество больших и маленьких кусочков. Остальные же, натужно «крякнув», рванули всей мощью своих бензобаков оставшись стоять на земле, разметав по округе свои железные внутренности и кося ими пытающихся укрыться вокруг в канавах и ямках людей.

– Минус один, – толкнув меня в бок, сказал лежащий в траве рядом со мной Хосе, и указал пальцем на зашедший «в штопор» падающий вертолет.

Тут же адский взрыв и радостные крики «доставших вертушку». Вторая боевая машина решила больше не рисковать, прошла по «нам» из крупнокалиберного и, сделав еще один круг, стала удаляться.

Вместо стрекота оружия и грохота взрывов, воздух наполнили крики стонущих от боли и просящих помощи, а в легкие пытался ворваться едкий дым горящих покрышек. Все это навредило на скверные мысли о начавшемся «конце света». Повсюду можно было заметить валяющиеся в неестественных позах, разорванные и искалеченные, залитые кровью тела.

– Они приближаются... Нужно уходить, – во весь голос завопил кто-то, – Они приближаются...

От таких криков какие хочешь мысли, даже если это такие важные мысли, как мысли о «конце света», то их тоже, с легкостью отбрасываешь и забываешь. В таких случаях сразу «делаешь ноги», правда если есть куда «делать ноги». А нам, похоже было не куда. Со всех сторон по степи к нам мчались поднимая клубы пыли, как минимум, четыре группы, по десятку машин в каждой. Учитывая произошедшее, да, это было жуткое зрелище.

– Эй, Джон... Так тебя зовут? Да?.. – позвал Хосе, – Ты, наверное, не видел ещё «такого» в жизни, да?..

Он помолчал, прикуривая сигарету и с наслаждением делая затяжку.

– Тут, похоже, сейчас будет мясорубка... – его голос был спокоен и даже, как мне показалось, «слишком» спокоен, – мы сделаем щас вот что... Если ты, конечно, хочешь остаться в живых... – он опять помолчал, бросая сигарету в песок и добавил.

– Если повезет, мучачо, если повезет... Иди за мной...

Мы поднялись на ноги и, пользуясь затишьем, не обращая ни на кого внимания, двинулись между догорающих остовов машин.

– Вот... – наконец, довольно произнес Хосе и указал на большой оторванный плоский кусок кузова машины.

Мексиканец вонзил в него посередине валявшийся неподалеку кусок трубы, при этом для верности, сдабривая свои действия неизвестными мне, но, очень страшными ругательствами. После чего мы, пригибаясь как можно ниже и волоча за собой ту самую железку, отошли метров сто от эпицентра побоища и спешно выкопали небольшую продолговатую яму, чтобы туда мог поместиться человек. Насколько позволяло время, конечно.

Я благодарно, изо всех сил обнял мексиканца, тот был славный, добрый мальчик, ну и что, что бандит, и забрался в изготовленное нами убежище.

– Спасибо, Хосе... Удачи тебе, друг, – произнес я и закрыл руками лицо, чтобы в него не попал песок.

Мексиканец накрыл меня приготовленным куском железа с трубкой для воздуха и густо присыпав все песком, тщательно разравнивал место, чтобы меня не было заметно даже вблизи.

– Адюс, мучачо, – на прощанье сказал он и ушел.

Не прошло и пяти минут, как я забрался в свой наспех сделанный песочный «схрон», а уже со всех сторон раскатисто и звучно затарахтели автоматы и «заухала» до непрерывного звона в ушах взрывчатка всех видов и мастей. Земля дрожала, обильно осыпая меня песком в небольшие щели и даже один раз на мою жестяную крышу откуда-то сверху упало что-то тяжелое, сильно звякнуло железом о железо и замерло. Замер и я, это было выше моих сил. Снаружи, время от времени, сквозь звуки непрекращающейся канонады, иногда доносилась человеческая речь.

Странным было то, что я слышал несколько совершенно разных языков. Складывалось такое впечатление, что сюда съехались представители всех континентов и культур. Я не мог разобрать многое, но, похоже, там точно звучал французский, арабский, итальянский, немецкий... «Зачем вы здесь, люди? Что вы творите?» – этому вопросу похоже суждено было стать вечным. Это стало сводить меня с ума и в какой-то момент я заметил, что истошно во все горло ору, закрыв уши руками. Так мы баловались в детстве, чтобы не слышать собеседника, но тут было совсем другое. Спohватившись, я замолк, но тут же понял, что уже стало невыносимо тесно тут лежать.

За время, что я провел там, объем убежища уменьшился вдвое, практически не оставив мне возможности пошевелить рукой или ногой. Началась паника и мне страшно захотелось выбраться наружу, несмотря ни на что. Я понял, что, возможно, не удержавшись, могу в непроизвольном в порыве сбросить скрывающее меня железное покрывало и тем самым выдать себя. Поэтому, я стал стараться думать о чем-нибудь совершенно постороннем, не обязательно хорошем, все равно о чем – главным стало «забыть» настоящее, забыть «набирающую обороты» боль в онемевших руках и ногах.

Временами я все-таки начинал снова дико громко стонать, чуть мотая головой из стороны в сторону. «Зачем я здесь лежу? Все равно они меня найдут...» – эти предательские слова упорно стучались в мой помутившийся разум. Сквозь туман своих размышлений я слышал, как опять низко пролетал вертолет, разрезая воздух и метая в обезумевших на земле людей ракеты. Но вскоре и он, досадливо лязгнув своим железным нутром, громяхая и переворачиваясь, вонзился неподалеку в землю, что стало для меня последней каплей.

«Все. Выхожу» – подумал я и резко, чуть приподняв крышу своего убежища, выглянул наружу. Там стоял он, прямо напротив меня и, смотрел, как я медленно отодвигаю жестянку, чтобы выбраться из ямы. Один из них, тех самых китайцев или японцев – кто их разберет, тех, что волокли меня ещё с утра, подвешенного на палке.

Я чертыхнулся, перестал «вылезать» и уставился на него. Больше вокруг никого не было, а канонада, как оказалось, уже прекратилась, опять сменившись стонами, ударившим в нос тошнотворным запахом горелого мяса, и кое-где ещё шевелящимися остатками изуродованных человеческих тел...

– Привет... Давно не виделись, – с досадой выдавил я из себя, но ответить «узкоглазый» не успел.

Опять раздался далекий звук одиночного выстрела, и мой несостоявшийся собеседник замертво упал в метре от меня. Должен сказать, что в этот раз, я даже сильно не расстроился. Я попытался порыться у себя в душе и найти хотя бы остатки жалости, но не смог. У жалости тоже есть край, и когда приходишь до него, дальше становится все равно.

«Снайпер... Да, что ж ты будешь делать... Хитрый, скотина» – подумал я, – «Правда, на сей раз, ты стрелял гораздо ближе чем раньше». Это наводило на размышления, что стрелок постепенно приближается ко мне, что, конечно, было скверно.

Принявшись снова дальше выбираться из песчаного плена наружу, я увидел на скрывавшей меня жестянке чью-то оторванную руку в больших дорогих железных часах.

– Так это ты шумела, не давала спать, – сказал я ей, – время не подскажешь?

Рука отвечать не хотела, тогда я поднял её и сам посмотрел на часы, но ничего не понял. Я ничего ещё не готов был понять.

– Не вставай, осторожно, – сказал я теперь сам себе и незаметно, судорожно разминая при этом затекшие руки и ноги, пополз неглубокой ложбиной к остову стоящей неподалеку сгоревшей «тачки».

Однако, моя хитрость видимо, была совершенно очевидна и бесхитростна. Поэтому, не прошло и десяти минут, как напротив меня, неторопливо опускаясь на корточки, откуда ни возьмись возник тот самый «самый хитрый» стрелок. Вид его был изрядно уставший, кроме маскировочного халата ему наверняка потребовалось еще много умений и сил, чтобы вот так просто присесть возле меня. И удача, она тоже, конечно, должна была следовать за ним весь день по пятам. «Значит, так все и было» – заключил про себя я.

– Привет, Джон, – поприветствовал он меня, – я Пол.

– Привет, добрый человек... – немного нервно ответил я, – Так что вам от меня нужно, Пол? Что?.. – в который раз уже приходилось спрашивать это. В который?..

Видимо этот мужчина не был сторонником продолжительных бесед, потому что он не стал ничего отвечать, поднял винтовку и...

К сожалению для него и радости для меня, откуда-то сбоку, прямо в его «хитрую» голову прилетела тяжеленная железяка. Но, тем не менее, его винтовка успела сделать выстрел прежде чем хозяин разжал сжимавшие её ладони.

Я дрогнул, почувствовав, как сжалось внутри сердце. Но, нет, пуля чуть коснувшись моего уха, с визгом ушла внутрь сгоревшей машины за спиной. Струйка крови медленно потекла за ворот рубашки и тут напряжение сегодняшнего дня дало о себе знать – меня начало трясти и колотить как будто от холода.

– Да, ладно, чувак, не дрейфь, – произнес кто-то, по дружески хлопая меня по плечу, – Русские своих не бросают!..

– А кто здесь русский? – не понял я...

Глава 6

Стараясь унять дрожь, я медленно поднял глаза на говорившего и мне стало дурно. Голос принадлежал безобразному существу, лишь отдаленно напоминающему человека. Из нижней части его продолговатого лица вместо положенной в этом месте бороды у него развивались во все стороны длиннющие осьминожки щупальца, покрытые мокрыми присосками. Несмотря на это, существо мне широко, по доброму улыбалось и было видно, что искренне радо нашей встрече. Я же не смог ответить тем же, от его вида мне окончательно «похужело» и я блеванул ему прямо на ноги.

– Теперь ясно... – немного оправившись, произнес я, – извините, пожалуйста...

Уже второй раз за день меня выворачивало на изнанку. «А ведь ещё не вечер...» – подумал я... И ещё немного подумал...

– А вы кто? – наконец, догадался спросить я.

– Извините «не катит», – заявило существо, – контролируйте эмоции, пожалуйста, молодой человек... Вам, бы не хотелось, кстати, хотя бы, так сказать, «на время» прекратить ту бойню, что вы тут устроили?..

– Такие мысли мне приходят с самого утра, вообще-то... А вы что, знаете, как это сделать? – я с надеждой посмотрел на чудище.

– Конечно, – несколько не смутившись, заявило оно, – Выйди-ка сейчас на середину этой шикарной поляны, подними правую руку вверх и по слогам, разборчиво произнеси: «Немедленно прекратите кровопролитие, ибо в гневе я страшен...» И все. Некоторое время будет тихо, даже мышка не пикнет. Давай, иди уже...

Чудище договорило, противно шевеля при этом щупальцами, и не дожидаясь пока я соглашусь, силой поставило меня на ноги и больно толкнуло в спину:

– Иди, иди, человечина... Не торМОЗИ.

«Делать было нечего», «попытка не пытка», «не знаешь, что делать – делай что-нибудь» – похоже, вся известная мне мудрость толкала меня в спину вместе с ним, потому я «вышел и сказал».

– Ну, и что теперь? Когда заклинание сработает? И почему только «на некоторое время»? – начал сыпать я вопрос за вопросом, не обращая внимание на то, что задающий вопрос всегда, что бы о том ни говорили, выглядит глупо. Пускай.

– Дело в том, что им нужно это самое «некоторое время», чтобы перефразировать твои слова на свой лад. И тогда сразу все вернется на круги своя.

– Кому это «им», – пытался докопаться до истины я

– Ну, «им», то есть «вам» – тупым человечкам, – спокойно пояснил он.

– Слушай, а может все-таки «вам» это значит «нам»? – мне не нравилась это разделение ролей, – Вы что, только что из Голливуда? Что это такое за маскарад? Здесь что, карнавал? Меня, между прочим стошнило от этих ваших присосок на голове... Это совсем было не вовремя... Спасибо, конечно, что спасли мне жизнь, но, знаете, эти сопли на вашей бороде, это уж точно чересчур...

– Это, не грим, тупица, мозги разуй, – засмеялся он, – Ты что, вообще ничего не помнишь? Мы же с тобой старые друзья, корефан! Я Зак, из темного мира Уджа-Гаара. Инопланетянин, по вашему.

– Не смешно, – сказал я, – Потому, что это было совсем не смешно. Слушай, Зак, у меня и так голова идет кругом... Не надо, пожалуйста, меня разыгрывать, хорошо?

– Хорошо, – перестав, наконец, смеяться сказало чудище, – только давай уйдем поскорее отсюда, а то, сейчас здесь будет море полицейских и прочих всяких... Уходим, быстро... А по дороге поговорим, ладно?

– Ладно, конечно, мне только этого всё время и хотелось.

Мы, что называется, взяли «ноги в руки» и мелкими перебежками, да, «огородами», убрались со злополучного места. Пока быстро шли, «запыхались», и было не до разговоров, но когда уже мы добрались до черты города и нам навстречу стали встречаться редкие, но совершенно обычные прохожие, пришло время поговорить.

– Хорошо, Зак, я не хочу тебя спрашивать обо всем вообще, а то у меня голова треснет, но пару вопросов, будь ласков, поясни, пожалуйста... – начал я, – Знаешь, я не собираюсь с тобой спорить, перебивать... Просто, молча выслушаю и всё...

– А, пожалуйста... Пару, так пару... Валяй, спрашивай, – чудище довольно ослабилося. Я напрягся и по слогам, дрожащими губами, произнес:

– Как... меня... зовут...? – при этом, остановился и посмотрел Заку в глаза.

– Коля, – просто ответил он, – ну, то есть Николай Иванович, – поправился инопланетянин, – Здесь тебя, конечно, знают, как Джонни, но... сам посуди... Ну, сколько ты «Джонни»? Полгода? Чуть больше? А «Николай Иванович» ты уже больше четырех десятков лет. Разницу ощущаешь? К тому же ты русский, приятель и... поверь, это навсегда... это не лечится... – на этих словах он запнулся, словно вспоминая что-то, глаза его налились печалью и непонятной «чужаку», невыразимой истомой... – На родину нам надо, брат, домой...

Один вопрос, а уже «приехали» – подумал я, – «и угораздило же меня это спросить? Черт возьми, чем больше я узнаю, тем меньше понимаю, что происходит. Еще немного, и надо самому ехать сдаваться в психушку».

– Ладно, мужик, – собравшись с силами, продолжил я, – не стал бы спрашивать, но, боюсь, просто не смогу заснуть... У меня, понимаешь, вообще нет версий, то есть никаких, понимаешь, никаких... Пожалуйста... Если знаешь... Хоть, что-то... скажи мне...

Я остановился, и решил набрать побольше воздуха. Уже в который раз я пытался сегодня спросить это. Никто не пожелал или не успел мне ответить, а сейчас, все они убиты... Что происходит?

И опять... членораздельно, по слогам:

– Что... им всем... от меня... было надо? – я опять остановился и, на всякий случай, даже присел. Благо, рядом оказалась свободная лавочка.

– Ну, это просто, – весело начал повествование Зак, – Все дело в твоём недавнем рождении здесь, в Америке. Знаешь, мы ведь раньше очень дружили. У нас была большая веселая компания, там, в России. И в какой-то момент тебя, если так выразится, «случайно не стало». Так вот... После этого, ты рожден здесь с использованием очень серьезной инопланетной технологии. А это у вас здесь, на земле, очень ценится. Многие хотели бы тоже так. Понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.